

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ВЕРНОСТЬ» И «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

*Работа представлена кафедрой теоретической лингвистики
Иркутского государственного лингвистического университета.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор, М. В. Малинович*

Этические концепты «верность» и «предательство» рассматриваются в настоящей статье как неотъемлемые составляющие семиосферы внутреннего мира человека. При описании лексических единиц, вербализующих эти концепты, используется положение о трехуровневой системе актуализации языкового знака. Уровень относительной актуализации представлен слово-сочетаниями, фразами прямой и косвенной номинации.

The ethic concepts «faithfulness» and «betrayal» are viewed in the article as integral constituents of the semiosphere of the human inner world. In description of the lexical units, which carry out verbal realisation of the given concepts, the theoretical proposition of the three-level system of a language sign actualisation is used.

Семантика внутреннего мира человека, объективируемая как коллективно обобщенные и коллективно осмыслиенные значения, конституируется рядом универсальных семантически дискретных констант, совокупность которых составляет определенную семиосферу. Значительное место в семиосфере внутреннего мира человека занимает его морально-нравственный мир: долг, вера, совесть и т. д.¹

Феномены морально-этической концептосферы изучаются с различных позиций философами, они также предмет когнитивных исследований в лингвистике.

Данные сущности связаны с удовлетворением нравственного чувства, которое, по замечанию Н. Д. Арутюновой, относится к «ядру духовного начала человека»².

Сложность анализа и постижения природы этических концептов обусловлена отсутствием у них видимой физической опоры в материальном мире, если не считать таковой звуковую форму слова³.

Концепты этого типа – абстрактные сущности, более субъективные по своему

характеру, чем конкретные имена, которые в большей степени являются коллективными.

Этические смыслы «в высшей степени аморфны для ratio условного носителя языка», так как под одной и той же языковой номинацией объединяются разнообразные и часто противоречивые свойства, доступные интуитивному познанию⁴.

Этические концепты, например «совесть», «честь» (а также анализируемые нами концепты «верность» и «предательство»), «выкристаллизовываются» из конкретных фактов человеческой деятельности, «сценарной» серии поступков, эмоций и переживаний, «вырастают» из осмыслиения межличностных взаимодействий. Данные сущности оценочны по своей природе по принципу «плюс» – «минус», всегда используются в контексте определенных эмоциональных настроений. Гносеологический субъект познает их не через словарные дефиниции, а в результате личного социального опыта, а также опыта предшествующих поколений, традиций общества, которому он принадлежит⁵.

Средством доступа к концепту, как известно, является слово. Лингвистическое описание единиц, объективирующих те или иные смыслы, которые закреплены в сознании человека, может осуществляться с точки зрения различных подходов: ассоциативного, параметрического, признакового, прототипического, ситуационного. Используемый нами принцип семиологического подхода⁶ к описанию лексических единиц позволяет исследовать словесные знаки-репрезентанты концептов «верность» и «предательство» в одной из их основных функций, заключающейся в репрезентации окружающего человека мира, безграничного множества феноменов и понятий, их признаков, отношений, существующих между ними.

При исследовании изучаемого нами объекта за исходную посылку принимаем положение о трехуровневой системе актуализации словесного знака, включающей в себя уровни виртуальной («постоянной», «неизменной»), относительной (промежуточной ступени между двумя противопоставлениями – «слово в словаре» и «слово в речи») и абсолютной актуализации⁷, что коррелирует с семиотическим измерением языкового знака: семантикой, синтаксикой, прагматикой.

В соответствии с этим на уровне виртуальной актуализации рассматриваются семантические особенности лексем-репрезентантов концептов «верность» и «предательство», на уровне относительной актуализации изучается синтаксика словесных знаков, на уровне абсолютной актуализации – прагматические закономерности функционирования языковых единиц, объективирующих исследуемые концепты.

Уровень относительной актуализации, описываемый в настоящей статье, составляют семантически относительно актуализированные знаки: свободные сочетания слов, словосочетания, фразы прямой и косвенной номинации.

Буквальное прочтение глаголов и имен, употребляемых в сочетании с абстрактны-

ми именами, вербализирующими изучаемые нами концепты, позволило выявить концептуальные метафоры или, в терминологии Л. О. Чернейко, гештальты – имплицитные лексические параметры, «имплекатуры предиктивно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени»⁸, метафоризирующие явления внутреннего мира человека и проецирующие их на материальный мир.

Многим концептам, характеризующим семиосферу внутреннего мира человека, приписывается наличие димENSIONальных, артефактных, локальных и других признаков, представляющих собой характеристики реальной действительности, преломляемые для лингвистического описания жизненно важных смыслов⁹.

Как свидетельствует анализ языковой фактологии, для исследуемых нами концептов характерны следующие признаки: димENSIONальные, артефактные, антропоморфные, эмоциональные, социальные и другие. Рассмотрим некоторые из них.

Признаки локализации. Пространственные отношения могут экстраполироваться на сферы непространственных отношений. Как отмечал Г. Пауль, «все психическое представляется нам покоящимся внутри нас то ли в отдельных частях тела, то ли в душе, которой в этом случае приписываются пространственные атрибуты»¹⁰.

У концептов, входящих в семиосферу внутреннего мира человека, выделяют два прагматически отличающихся типа локализации: а) локализация внутри тела человека и б) локализация субъектов и объектов внутреннего мира в идеальном (воображаемом) пространстве¹¹.

Языковая фактология демонстрирует: верность может находиться внутри тела человека, который является вместилищем чувств, эмоций и настроений. Реализация когнитивной модели *Внутренний человек – контейнер* для верности актуализируется в высказываниях типа:

Isn't there any sense of loyalty in you?
(Mitchell).

Верность, как подавляющее большинство констант внутреннего мира человека, согласно наивным представлениям, «локализуется в сердце», что обуславливает частую сочетаемость лексемы «heart» с языковыми знаками, репрезентирующими «верность» в английском языковом сознании:

«...Now and always you have my faithful and devoted heart, dear Mathew...» (Christie).

В пространстве внутреннего мира человека кровь – это не просто красная жидкость, обеспечивающая питание и обмен веществ в организме, но и локус души и чувств. Примером локализации верности в крови может послужить следующее высказывание:

She was shining black, pure African, devoted to her last drop of blood to the O'Harras... (Mitchell).

Окказиональными локусами верности могут также выступать разум и характер:

Faithfulness and truth are the most sacred excellences and endowments of the human mind (Cicero);

Loyalty is a feature in a boy's character that inspires boundless hope (Baden-Powell).

Мифическое (воображаемое) пространство внутреннего мира человека может быть эксплицировано различными языковыми средствами, в том числе и предлогами.

Так, для описания пространственных характеристик верности используется гештальт *Верность – вместилище*, актуализируемый пространственным предлогом «in», находящимся в препозиции к языковым знакам-репрезентантам концепта:

They were whole hearted and sincere in their devotion to the Cause (Mitchell).

Предательство, так же как и верность, может локализоваться внутри человека. Данная закономерность объективируется гештальтом *Внутренний человек – контейнер для предательства*:

Wise married women don't trouble themselves about infidelity in their husbands (Johnson).

Сердце как средоточие внутренней и духовной жизни человека является вместилищем не только положительных, но и отрицательных эмоциональных переживаний и свойств человеческой натуры. Локализация предательства в сердце вербализуется лексемами «*telltale*», «*false*» в сочетании со словом «*heart*»:

... *features Jean Gabin in his robust glory as a master of thief with a telltale heart* (The New Yorker).

Локусом предательства может также выступать душа, так как именно в душе оно обычно переживается:

... *the experience of parental betrayal within a child's psyche* (Hedva).

Характеристики локализации дополняются гештальтом *Предательство – вместилище*. Предавая кого-либо, человек вводит другого человека в состояние изменения, предательства:

She had tried to betray him into disloyalty to the South (Mitchell).

Антрапоморфные признаки. Верность персонифицируется: она – живой человек, личность со своими особенностями, проявляющимися в неких социальных отношениях и взаимодействии.

Реализация когнитивной модели *Верность – человек* возможна разнообразными языковыми средствами. Персонификация верности конкретизируется гештальтами *Верность – мать* и *Верность – сестра*:

Devotion and her daughter Love Still bid the bursting spirit soar... (Byron);

Fidelity is the sister of justice (Horace).

В вышеприведенных примерах у концепта «верность» зафиксированы «женские» характеристики, что свидетельствует о наличии гендерной дифференциации концепта.

Верности свойственны и «мужские» признаки, что подтверждается наличием гештальта *Верность – борец*.

Верность как *борец* завоевывает право говорить объекту преданности всю нелепицеприятную правду о его поступках:

Over the years, Isaac's usefulness and loyalty had won him the right to say what he felt and be heard – though not necessarily heeded (Butler).

Данный гештальт используется в случаях описания внутренней силы человека – борца за какие-либо убеждения и идеалы, а также при наличии некоего внутреннего конфликта человека, который борется с противоречивыми эмоциями и чувствами:

«You are my boy, aren't you?»

«Can you be – well, two men's boy?» – questioned Wade, loyalty to the father he had never known struggling with love for the man who held him so understandingly (Mitchell).

Одним из наиболее широко представленных гештальтов является *Верность – слепой человек*. Верности приписываются такие характеристики, как «слепота», «неспособность видеть», получающие в ряде случаев отрицательную оценку:

And when she thought about those troubles now – from the death of Bouncer, to the fire Jimmy had set at school..., to Shar's blind devotion to her birds, to all the ways her children had been shouting out for her notice and failing to get it... (George).

В примере выше налицо игра слов: лексема «blind» употребляется не только для обозначения плохого зрения Шэрон, любимым занятием которой было наблюдение с биноклем за птицами, но также для указания на то, что это ее «слепое» увлечение явилось своего рода бегством от далеко не радужной реальности и нежеланием замечать происходящее вокруг.

Слепая верность, с которой любящий человек готов защищать объект своей любви, вызывает восхищение:

And now, as Scarlett looked sadly back, she realized that Melanie had always been there beside her with a sword in her hand, unobtrusive at her own shadow, loving her, fighting for her with blind passionate loyalty, fighting Yankees, fire, hunger, poverty, public opinion and even her beloved blood kin (Mitchell).

Предательство как человек может проявлять себя в различных сферах жизни, совершать разнообразные поступки: порождать и инициировать что-либо, отправлять, нести и т. п.

У предательства как у человека есть лицо:

...the two-faced disloyalty and the hypocrisy that were in here (Mitchell).

В вышеприведенном примере у предательства «два лица», что весьма показательно, так как число «два» является символом раздвоения, лукавства и лицемерия, часто являющихся составляющими ситуации измены.

Предательство не всегда заметно, оно может быть латентным, скрытым, вследствие этого оно может скрываться в засаде и прятаться:

...a great betrayal surely lurks down the road... (Mason);

Deceit and treachery skulk with hatred... (Tupper).

Гештальт *Предательство* – человек может конкретизироваться. Примерами такой конкретизации могут служить гештальты:

Predательство – враг, против которого необходимо найти оружие, Предательство – законодатель:

We have to distrust each other. It's our only defense against betrayal (Williams);

Gentlemen, the Act of Union was carried by force and by fraud, by treachery and by falsehood (Redmond).

Артефактные признаки. Под термином «артефакт» (от лат. arte – искусственно и factus – сделанный) понимается предмет, вещь, созданная человеком.

«Опредмечивание» оценочных этических номинаций выступает важнейшим способом их интерпретации. Этические коннотации появляются у выражений с «физическим» значением при их переносном употреблении, в описаниях ситуаций, в которых объектом воздействия являются не физические предметы, а психологические, эмоциональные и социальные сущности¹².

Овеществление (реификация) верности выражается в нижеприводимых гештальтах.

Верность может концептуализироваться как материальный предмет, который можно кому-либо отдать, подарить как очень дорогой подарок:

«*But your kinsmen had given me their loyalty. That is no small thing*» (Butler).

Образ предмета для верности дополняется ее описанием физической характеристики веса. Гештальт *Верность – дорогой товар* реализуется в следующем контексте, где одна унция верности стоит фунт ума:

An ounce of loyalty is worth a pound of cleverness (Hubbard).

В ряде случаев верность приобретает более конкретные очертания, реализуясь в таких гештальтах, как, например, *Верность – нить*, в котором объективируется свойство верности объединять и связывать людей воедино:

By faithfulness we are collected and wound up into unity within ourselves, whereas we had been scattered abroad in multiplicity (Saint Augustine).

Гештальт *Верность – стержень/опора* выводим из сочетания знаков-репрезентантов концепта с прилагательными «*inflexible*» и «*steady*», акцентирующими качества несгибаемости и твердости, прочности:

...they looked into her young face and saw there the inflexible loyalty to the old days (Mitchell).

Верность также может ассоциироваться с *механизмом*, который можно включить и выключить и который довольно прост в использовании:

No more important duty can be urged upon those who are entering the great theatre of life than simple loyalty to their best convictions (Chaplin);

At one point, Lucy threatens to switch her allegiance to Larry (Lahr).

Гештальт *Верность – инструмент эксплицируется сочетанием предлогов «through» и «by» с именем концепта в позиции синтаксического дополнения, например, «through fidelity», «by loyalty»:*

The men are held together by dedication and loyalty (Denby).

Реификация предательства выявляется в приписывании данному феномену характеристик предмета.

У предательства зафиксирована такая физическая характеристика, как «форма», которая может меняться в зависимости от обстоятельств:

While the form of the treachery varies slightly from case to case... (Coulter).

Артефактные признаки исследуемого концепта объективируются также гештальтом *Предательство – бритва*.

Предательство как острыя бритва глубоко ранит человека:

«Betray» was a strong word, and it sounded as sharp as it was: a blade of a word, slicing Martin deep inside (Rice).

У концептов «верность» и «предательство» выделены также социальные, эмоциональные, теоморфные признаки, признаки стихий, вещества и характера. Вегетативные и зооморфные признаки зафиксированы только у концепта «верность», а перцептивные признаки – у концепта «предательство».

Таким образом, исследование сочетаемостных характеристик лексем, являющихся именами концептов «верность» и «предательство» в английском языковом сознании, позволяет постичь структуру интуитивных, бессознательных знаний об изучаемых нами явлениях, зафиксированных в гештальтах или концептуальных метафорах. Метафора представляет собой факт языка и речи, демонстрирующий тесную взаимосвязь семантики и прагматики¹³, важный механизм, с помощью которого мы понимаем абстрактные понятия.

Обращение к языковой фактологии и ее анализ позволяет сделать вывод об активном воздействии высказываний говорящих – носителей англоязычной культуры на представления о верности и предательстве как неотъемлемых составляющих семиосферы внутреннего мира человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малинович Ю. М. Семиосфера внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: Семантические константы: Коллективная монография к юбилею доктора филологических наук, профессора Ю. М. Малиновича / Отв. ред. М. В. Малинович. Иркутск, 2007. С. 50–52.

² Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. С. 76.

³ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Черо, 2003. С. 154.

⁴ Кононова И. В. Этические концепты: структура и презентация // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Материалы 8-го регионального семинара. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 145.

⁵ Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. С. 38.

⁶ Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97; Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.

⁷ Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. С. 60; Она же. Лексическое значение (Принципы семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. С. 68, 85.

⁸ Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 295.

⁹ Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004; Яковченко О. О. Дименсиональные концепты и внутренний мир человека в современном английском языке // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. Вып. 8. С. 934–940. (Серия «Концептуальные исследования».)

¹⁰ Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 116.

¹¹ Пименова М. В. Указ. соч. С. 296.

¹² Рябцева Н. К. Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 178.

¹³ Goatly A. The Language of Metaphors. London; New York: Routledge, 1997. P. 38.